ского сближения воззрений Квирина Кульмана и идеологии некоторых ответвлений старообрядчества.

Хотя Н. С. Тихонравов и пишет, что «Кульман не столько занят был распространением теософии Бема ... сколько своим собственным учением о „иезуелитах“ и хилиазме», все же основой работы остается выяснение связей философии Якоба Беме с воззрениями Кульмана и вообще религиозно-философских взглядов последнего. Опираясь на работы Аделунга, Арнольда и др., Н. С. Тихонравов тщательно изложил факты биографии Кульмана. «Розыскное дело» позволило ученому с достаточной полнотой рассказать о перипетиях московской поездки Квирина Кульмана. И все-таки цели этой поездки так и остались невыясненными. По словам Н. С. Тихонравова, этот «одинокий фанатик», «отчаянный еретик», «помешанный мистик» «замутил» многих обитателей Немецкой слободы. После же казни Кульмана и Нордермана их устрашенные единомышленники «притихли», и предприятие Кульмана осталось незначительным эпизодом, не оказавшим решительно никакого влияния на дальнейшую жизнь Немецкой слободы. Таковы выводы Н. С. Тихонравова. Попытавшись опровергнуть распространенное на Западе мнение, что Кульман пал жертвой московской патриархии (она, как считает Н. С. Тихонравов, не принимала заметного участия в решении судьбы Кульмана), исследователь обошел вопрос о политических планах силезского «пророка».

По словам одного из позднейших авторов, Н. С. Тихонравов «не имел ... понятия о том, что́ руководило Кульманом и его друзьями: ценная работа Тихонравова была поэтому не чем иным, как страницей из „Истории человеческой глупости“».[5]

После работы Н. С. Тихонравова в русской научной литературе, в сущности, не было специальных исследований о Квирине Кульмане. Несколько строк посвящено Кульману и его судьбе в романе А. Н. Толстого «Петр Первый».[6] Романист видит в истории Кульмана одну лишь религиозную подоплеку: отсюда родственное тихонравовскому пренебрежение (рассказ о «непотребствах» Кульмана в Москве), а с другой стороны, вслед за западными учеными он обвиняет в казни Кульмана патриарха Иоакима.

В статье Н. В. Устюгова и Н. С. Чаева также высказывается мнение, что «воинствующая охрана православия, последовательно проводимая патриархом Иоакимом, была основной причиной преследования ... и ... казни» Кульмана.[7] Авторы статьи видят цели поездки Кульмана исключительно в пропаганде нового вероучения: «К. Кульман увлекся мистическим учением Христофора Котера, Христины Понятовской, Николая Драбича и Стефана Мелиша, за несколько лет до этого казненных в Саксонии, Венгрии и Пресбурге. Эти учителя пророчествовали, что будут многочисленные и кровопролитные войны между христианскими и мусульманскими государствами, а после того „будет едино стадо и един пастырь“, создастся новая религия, которая не будет совпадать ни с одним из существующих христианских вероучений».[8] Дело не в том, что авторы статьи

---

[5] Dmitrij Čiževskij. Aus zwei Welten. Leiden, 1956, стр. 202 (Der verdiente Forscher hatte aber kein Verständnis für all das, was Kuhlmann und seine Freunde bewegte: die wertvolle Arbeit Tichonravovs ist daher nicht mehr als eine Seite aus «Geschichte der menschlichen Narrheit» geworden). Д. Чижевский обыгрывает название труда Аделунга — «История человеческой глупости», — который, между прочим, был одним из главных пособий Н. С. Тихонравова.

[6] А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1946, стр. 200—202.

[7] Н. В. Устюгов и Н. С. Чаев. Русская церковь в XVII в — В кн.: Русское государство в XVII веке. М., 1961, стр. 326.

[8] Там же.